ВОЙНА и КУЛЬТУРА.

И. А. Ильинъ.

ДУХОВНЫЙ СМЫСЛЪ ВОЙНЫ.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., соб. д.
Москва. — 1915.

180
2к

2180

ВОЙНА и КУЛЬТУРА.

И. А. Ильинъ.

ДУХОВНЫЙ СМЫСЛЪ ВОЙНЫ.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д
МОСКВА.—1915.

2к

2 экз

Пров. 1956

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
463
59

Николаю Карловичу

Метнеру.

I.

Теперь уже нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что русскій народъ испыталъ и испытываетъ настоящую войну, какъ *призывъ*, — какъ призывъ, отвѣтить на который составляетъ для него не только правовую обязанность, или моральный долгъ, но живую духовную потребность. Мы словно проснулись и опомнились, поняли, что̀ надъ нами стряслось, и почувствовали, какъ вновь загорѣлось въ душѣ древнее *чувство родины*. И вотъ мы сами, охотно, доброю волею, дѣлаемъ то, что нужно для побѣды; мы не нуждаемся въ чужомъ понужденіи и сами не заставляемъ себя служить нелюбимому, постылому дѣлу; мы ждемъ лишь указаній: что̀ нужно сдѣлать; а сила духовнаго подъема даетъ намъ желаніе и энергію.

Что же это за призывъ и откуда онъ? Что зоветъ насъ? Что заставило насъ возстать и доброю волею принять на себя бремя великой и напряженной народной войны?

Съ дѣтства привыкаемъ мы жить, сосредоточиваясь на непосредственныхъ и «ближайшихъ» интересахъ небольшого круга людей, будь то семья отца и матери или семья, основанная нами. Мы незамѣтно, но прочно свыкаемся со всевозможными перегородками и раздѣленіями, обособляясь и отъеди-

няясь во всѣ стороны, нерѣдко съ тѣмъ бо̀льшею настойчивостью, съ тѣмъ бо̀льшимъ увлеченіемъ, чѣмъ меньше имѣется для этого объективныхъ и существенныхъ основаній. Душа наша обрастаетъ цѣлымъ множествомъ узаконенныхъ ледяныхъ покрововъ, избавляющихъ насъ отъ необходимости «отвѣчать» на призывъ, если онъ «чужой», и отзываться на бѣду, если она не «наша». Мы живемъ, не замѣчая, что это кольцо «нашего» постоянно тяготѣетъ къ умаленію и суженію, и что каждаго изъ насъ влечетъ центростремительная сила самосохраненія. Величайшее нравственное и духовное разъединеніе царитъ въ современномъ обществѣ. У всякаго *своя*, особая цѣль въ жизни, *свой* интересъ, отдѣльный отъ другихъ; ибо кто же еще, кромѣ меня, полагаетъ своею главною жизненною цѣлью *мое* личное устроеніе и благополучіе? Если я самъ не буду заботиться о себѣ всѣми силами души, то кто же позаботится *такъ* обо мнѣ? Никто, конечно; а если бы нашелся такой человѣкъ, то развѣ не опуталъ бы онъ тотчасъ же мою жизнь требованіями отвѣтнаго вниманія, имѣющаго вознаградить его за его старанія? Кто изъ насъ умѣетъ любить «не для себя»? Чья любовь не подавляетъ любимаго своею требовательностью?

Наши души разъединены именно потому, что каждая занята *своей* заботой, *своею* судьбою, *своимъ* устроеніемъ; и въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, своекорыстіе семьи и своекорыстіе индивидуума суть явленія одного порядка. А между тѣмъ, при такомъ положеніи дѣлъ, цѣли другихъ въ общемъ *подобны* моей, но *не совпадаютъ* съ ней: каждый — за себя и о себѣ; каждый «понимаетъ» (въ лучшемъ случаѣ) себя и «не понимаетъ» другихъ;

и наши повседневныя бесѣды и обычные споры, въ которыхъ каждый слушаетъ только себя и глухъ для мысли другого, выражаютъ именно эту глубокую разъединенность душъ. Каждый ищетъ *своего* и живетъ настороживши, недовѣряя другимъ, часто безсильный передъ «потемками» чужой души. Каждый щедръ для себя и «не имѣетъ» для другихъ; и кажется иногда, что скоро доброта сердца истаетъ въ людяхъ безъ остатка.

Какъ это привычно, какъ элементарно и общеизвѣстно; и въ то же время какъ тяжело!.. И такъ привыкаемъ мы къ этому, что нерѣдко искренно удивляемся самой возможности говорить о другомъ и видимъ въ этомъ проявленіе наивности, или безтактнаго чудачества. Пусть безпокойные и неудобные мечтатели, подобные Льву Толстому, говорятъ объ иномъ, обнаруживая свою явную неприспособленность къ «практической жизни» и побуждая «легковѣрную молодежь» относиться серьезно къ этому «безпочвенному идеализму»; «большинство» будетъ попрежнему ставить всѣ вопросы жизни на «единственно-реальную» почву личнаго интереса и «трудно» будетъ тѣмъ, которымъ не удастся примириться съ этимъ «неизбѣжнымъ» «минимумомъ» житейской черствости.

И даже «сочувствіе» и «солидарность», объединяющія насъ на моментъ или на срокъ, слишкомъ часто лишены истиннаго и глубокаго значенія: временныя параллели въ личныхъ судьбахъ и путяхъ у двухъ своекорыстныхъ людей не могутъ взрастить сѣмени добра.

И вотъ война вторглась неожиданно въ нашу жизнь и заставила насъ горѣть не о себѣ и работать

не для себя. Она создала возможность взаимнаго пониманія и довѣрія, она вызвала насъ на щедрость и пробудила въ насъ даже доброту.

Война насильственно вдвинула въ наши души одинъ *общій* предметъ; она противопоставила нашему мелкому повседневному «здѣсь» — нѣкое великое «тамъ» и потрясла насъ этимъ «тамъ» до корня. То, что было «здѣсь» не исчезло послѣ начала войны, но на ряду съ нимъ выдвинулось что-то *новое* и, можетъ-быть, даже заслонило повседневность. Каждая душа услышала зовъ и отъ каждой протянулась куда-то нить, напряглась и задрожала и связала душу съ другими въ одномъ, сразу, далекомъ и близкомъ «тамъ». Всѣ нити встрѣтились въ этомъ общемъ пунктѣ и скрѣпили народъ въ единство. Все, что «оттуда» стало важнымъ; ибо то, что «тамъ», оказалось роднымъ и дорогимъ и существеннымъ, и притомъ какъ бы при смерти больнымъ. Оно тоже для каждаго «мое», но по особому «мое»: такое «мое», что *не только мое*, но и мое и чужое. Оно — *наше*; оно — общее. Это пунктъ, гдѣ радость не одинока и гдѣ горе раздѣлено, ибо тому, чему я радуюсь, радуются и другіе; и то, что тяготитъ меня, угнетаетъ и другихъ. Оказалось, что всѣ имѣютъ общій предметъ любви и заботъ. Оказалось, что есть пунктъ, въ которомъ моя любовь, мое волненіе, моя боль, мое усиліе, горятъ о томъ же, о чемъ горятъ другіе люди, *чужіе* мнѣ. Но, если такъ, то они мнѣ уже не чужіе... И вотъ таетъ чуждость и смягчается изолированность людей. Въ минуты подъема и волненія теряетъ даже смыслъ дѣленія на «знакомыхъ» и «незнакомыхъ»: люди, впервые видящіе другъ друга, уже соединены гдѣ-то, въ самомъ важномъ. У нихъ уже есть знаніе другъ о

другѣ: я знаю, гдѣ у другого, «чужого» мнѣ, человѣка, — боль и радость; на что онъ надѣется и что его безпокоитъ. И это знаніе есть взаимное приближеніе; оно сближаетъ людей и сокращаетъ разстояніе между ними: все легче становится найти откликъ, сочувствіе и совпаденіе; все легче встрѣтиться и вмѣстѣ загорѣться и согрѣться у одного огня. Возникаетъ взаимное пониманіе; слагается увѣренность другъ въ другѣ; создается довѣріе другъ къ другу. А довѣріе есть ключъ ко всѣмъ замкамъ души, сковывающимъ ея входы. Является область, гдѣ не нужны эти замки, гдѣ можно раскрыться, гдѣ нѣтъ уже основаній къ отъединенію. Мы говоримъ другъ съ другомъ о войнѣ и не чувствуемъ ложнаго стыда— любить наше общее, вмѣстѣ радоваться его подъему и его высотѣ, вмѣстѣ скорбить объ его несовершенствахъ и неудачахъ.

Эта открытость душъ и ихъ совмѣстное горѣніе смягчаетъ сердца; а смягченныя сердца уже стоятъ на пути къ возстановленію отмершей доброты. Люди чувствуютъ себя какъ бы вѣтвями и листьями единаго дерева; ихъ корни гдѣ-то сплелись; ихъ души тянутся къ одной и той же, единой цѣли. Гдѣ-то тамъ — мы *одно*. Тамъ *наше* дѣло, *наша* бѣда, *наша* опасность, *наше* страданіе, *наша* побѣда, *наше* возстаніе, *наше* возрожденіе. И это сознаніе, что «тамъ» «мы одно», научаетъ людей радоваться тому, что у нихъ *единое* солнце, *единый* воздухъ, *единая родина*. Тамъ я не отдѣлимъ отъ другихъ, отъ тѣхъ, кто огнемъ *любви* своей говоритъ: «я русскій». Тамъ нѣтъ этого разъединяющаго настроенія «я, а не другіе». Тамъ — мы; мы — русскій народъ. И для всѣхъ насъ сообща — тамъ рѣшается одинъ вопросъ: о на-

шемъ общемъ дѣлѣ, о нашемъ общемъ духовномъ достояніи.

Что же это такое, это «тамъ»? И къ чему зоветъ оно насъ? И о какомъ нашемъ общемъ достояніи рѣшается здѣсь вопросъ?

Раскрыть это — значитъ установить *духовный смыслъ войны.*

II.

Бываютъ въ жизни народовъ періоды и времена, когда вся жизнь, — интересъ, воля, воображеніе, мысль и дѣйствіе, — сосредоточивается вокругъ единаго пункта. Передъ важностью его отходитъ на второй планъ все остальное; ибо *его* значительность, интенсивность и трагичность поглощаетъ чуть ли не всѣ остальныя жизненныя цѣли и стремленія.

Какъ во время смертельной болѣзни нѣжно любимаго человѣка, душа испытываетъ въ такіе періоды какой-то незабываемый гнетъ. Что бы ни дѣлалъ человѣкъ, чѣмъ бы онъ ни занимался, ко всему присоединяется тревожный гнетущій вопросъ: «а что тамъ?» Вся жизнь окрашивается въ отношеніе къ этому пункту. Все мѣняется и сдвигается съ его появленіемъ. Какъ во время землетрясенія, люди чувствуютъ, что колеблются какія-то стихійныя основы жизни; что удержать или прекратить эти колебанія не въ ихъ власти; что въ жизнь ихъ вторглось что-то новое, неизвѣстное; что привычная перспектива жизни и даже ближайшаго будущаго покрылась невѣрною тьмою. Какъ во время урагана, люди чувствуютъ, что ихъ «между прочимъ» захватило въ огромный круговоротъ и что отнынѣ жизнь

ихъ уже не строится ими, а мнется и комкается хаосомъ событій. И неизвѣстно, куда выброситъ ихъ и что сдѣлаетъ съ ними ураганъ.

Эта вспыхнувшая стихія не въ землѣ и не въ воздухѣ, а *внутри людей*, въ той сферѣ, о которой прозвучали нѣкогда тихія слова: «Царство Божіе внутрь васъ есть»; въ той сферѣ, въ которой *можетъ* раскрыться и осуществиться прекраснѣйшее на землѣ, и которая теперь сдѣлалась поприщемъ тягчайшихъ рѣшеній, противорѣчій и дѣяній. Что-то перенапряглось въ душахъ людей и оборвалось. Гдѣ-то далеко, у людей, располагающихъ большой властью, исчезла возможность «говорить» и «убѣждать»; и уже нѣтъ у насъ болѣе надежды, что кто-то съ кѣмъ-то снесется, переговоритъ и «уговоритъ». Гдѣ-то оказалось чрезмѣрное упорство, не поддающееся никакимъ уговорамъ; гдѣ-то оказалось непреодолимое желаніе поставить на своемъ. И въ результатѣ этого — мы больше не *зрители*, а *участники*.

Согласенъ я или не согласенъ; готовъ или не готовъ — я *призванный участникъ дѣла*. Это *участіе* означаетъ, что насталъ для меня часъ принять *лишенія*, вѣроятно, тяжелыя физическія *мученія* и, можетъ-быть, *смерть*. Это участіе означаетъ, что по внѣшнему принудительному приказу я долженъ оставить главное и любимое дѣло моей жизни, которому я обычно отдаю всѣ мои силы; оставить дорогихъ мнѣ людей, безъ которыхъ мнѣ, можетъ-быть, трудно прожить и одинъ день — жену, дѣтей, отца и мать, друзей; оставить мое жилище, мои удобства, мои привычки и удовольствія; одѣться въ непривычную, неудобную, тяжелую одежду и начать жить по чу-

жому приказу; неудобно и мало спать, невкусно ѣсть, можетъ-быть, голодать, носить тяжелыя вещи, много ходить; переносить непогоду, рискуя здоровьемъ и жизнью; жить съ чужими и чуждыми мнѣ, нелюбимыми людьми; по приказанію стрѣлять и рубить, ранить и убивать другихъ, незнакомыхъ мнѣ людей; самому подставлять себя подъ чужіе удары и выстрѣлы; жить такъ недѣли и мѣсяцы, можетъ-быть, годъ; навѣрное, видѣть насиліе, кровь и смерть; вѣроятно, получить тѣлесное мучительное поврежденіе; можетъ-быть, стать калѣкою на всю жизнь; можетъ-быть, въ мученіяхъ умереть.

Да, именно смерть, возможность личной смерти, ставитъ передъ нами война. Ея наступленіе властно обрываетъ обезпеченность моей личной жизни, мою безопасность, мое спокойствіе за себя. Война какъ будто говоритъ мнѣ: «доселѣ ты жилъ такъ, какъ ты впредь жить не будешь; и, можетъ-быть, ты вообще больше не будешь жить». И въ бо̀льшей или меньшей степени этотъ голосъ звучитъ для всѣхъ: и для военныхъ, и для запасныхъ, и для ихъ семей, и для врачей, и для пограничнаго и не пограничнаго населенія. Помимо воли моей, безъ всякаго повода съ моей стороны, въ моей жизни состоялся какой-то переломъ, непоправимая бѣда: передо мною встало *начало конца моей жизни*.

И въ отвѣтъ на это у человѣка пробуждается инстинктивный протестъ и желаніе отклонить отъ себя эту бѣду. Угроза смерти и мученій будитъ въ душѣ *инстинктъ самосохраненія*.

Почему я долженъ обрывать мое жизненное дѣло и идти на смерть? Развѣ я отвѣтственъ за то, что другіе не сумѣли мирно и полюбовно сговориться?

Развѣ нельзя было не воевать? И почему эта гнетущая и разрушающая мою жизнь повинность падаетъ именно на меня? Почему остаются дома столь многіе другіе?

И если нѣтъ разумнаго, удовлетворяющаго отвѣта на эти инстинктивные вопросы, то въ душѣ вспыхиваетъ безсильная досада и злоба, жажда забыться и одурманить свое сознаніе: въ народѣ разыгрывается пьяная мобилизація и погромы запасныхъ; и снова повторяется «глуповская» трагикомедія: толпа ищетъ виновнаго и, не найдя его, сбрасываетъ съ раската перваго попавшагося. Темный протестъ нуждается въ опьянѣніи и жертвѣ и въ результатѣ — вмѣсто духовнаго подъема воцаряется деморализація.

Здѣсь впервые обнаруживается, что война есть не только потрясеніе, но *духовное испытаніе* и *духовный судъ*.

«Доселѣ ты жилъ такъ, какъ ты впредь жить не будешь», — вотъ голосъ войны. Но чѣмъ же я жилъ до сихъ поръ?

Всегда, когда человѣкъ стоитъ передъ лицомъ смерти и видитъ, что будущаго нѣтъ или что онъ безсиленъ передъ нимъ, что онъ уже не строитъ его, — онъ обращается вспять и пересматриваетъ свой жизненный путь. И если это бываетъ даже при стремительномъ наступленіи смерти, когда прошлое проносится вихремъ въ угасающемъ сознаніи, то война вызываетъ этотъ пересмотръ съ особенной силой и отчетливостью.

Итакъ, чѣмъ я жилъ до сихъ поръ? Почему, за что я оказываюсь обреченнымъ на смерть? И, пересматривая мою жизнь, я вижу, что мнѣ *нѣтъ*

основаній умирать за что-нибудь. За мною нѣтъ никакого особеннаго преступленія, которое должно было бы привести меня по закону къ смертной казни. Я не совершилъ ничего особенно дурного. Да и можетъ ли быть такое дурное дѣло, чтобы человѣка, совершившаго его, слѣдовало лишить навсегда возможности исправить себя и искупить свою вину? Преступникъ, кто бы онъ ни былъ, больше всѣхъ нуждается въ долгой жизни, полной внутреннихъ, очищающихъ усилій, труда и борьбы съ собою.

И вотъ, съ одной стороны, я не повиненъ смерти за преступленіе или въ наказаніе.

Но, съ другой стороны, защищать то, чѣмъ я жилъ доселѣ, *рискуя своею жизнью*, совершенно не стоитъ. Если я даже любилъ свое дѣло и увлекался имъ, то все же *жизнь* всегда будетъ мнѣ дороже всѣхъ дѣлъ. Лучше *какая-нибудь* жизнь, чѣмъ ея преждевременный, нежданный, насильственный конецъ. *То дѣло, которому я посвятилъ мою жизнь, не стоитъ того, чтобы я защищалъ его, не останавливаясь даже передъ смертельной опасностью.*

Но не заключается ли въ этомъ признаніи приговоръ моему дѣлу? Не значитъ ли это, что я жилъ тѣмъ, чѣмъ вообще жить не стоитъ и не стоило? Въ самомъ дѣлѣ, какая же цѣна мнѣ и моему дѣлу, если я при первой угрозѣ готовъ бросить его, если я при первой опасности обращаюсь въ бѣгство? Если мое дѣло было правое и святое, то за него стоитъ и умереть; если же его не стоитъ отстаивать *всѣми силами*, тогда оно есть дѣло не вѣрное и не стоящее... Тогда имъ не стоило и жить; и не стоило любить его и отдавать ему всѣ свои силы.

Вотъ въ чемъ состоитъ духовный судъ, передъ которымъ война ставитъ человѣческую душу. Стòитъ ли жить тѣмъ, чѣмъ мы живемъ; стòитъ ли служить тому, чему мы служимъ? Война, какъ ничто другое, ставитъ этотъ вопросъ съ потрясающей силой и вкладываетъ въ него простой и глубокій отвѣтъ: «*жить стòитъ только тѣмъ, за что стòитъ и умереть*». Ибо смыслъ войны въ томъ, что она зоветъ каждаго возстать и защищать до смерти то, чѣмъ онъ жилъ доселѣ, что̀ онъ любилъ и чему служилъ. Что бы ты доселѣ ни дѣлалъ; чѣмъ бы ты ни занимался; чему бы ни служилъ,—словомъ, чѣмъ бы ты ни жилъ — *умѣй умереть за то, чѣмъ ты жилъ*. Этимъ война ставитъ передъ человѣкомъ начало *отвѣтственности*: каждый отвѣчаетъ за то, *чѣмъ* онъ жилъ и *какъ* онъ жилъ.

Какова была твоя жизнь доселѣ? Что ты любилъ? О чемъ старался? Что создалъ? Чему радовался? О чемъ мечталъ? Къ чему стремился? Встань и прими это достояніе твое, худо оно было или хорошо. И если предметъ твоей жизни и содержаніе твоей жизни были плохи или не стоящи, то зачѣмъ же они были плохи и не стоящи? Встань, прими на себя это не стоящее содержаніе, разъ что оно было *твое*, сумѣй отвѣтить за него, постоять за него и, если понадобится, умереть за него. Потому что война зоветъ тебя защищать *свободу твоей жизни* отъ насилія поднявшихся враговъ-иноземцевъ. Худо ты жилъ или хорошо, но идти къ врагамъ въ невольники ты не можешь и не долженъ хотѣть. И если ты жилъ хорошо — ты съ бодрою рѣшимостью встанешь на защиту твоей свободы. Но если ты жилъ плохо, то война заставитъ тебя защищать *свободу твоей дур-*

ной жизни; ты имѣлъ эту свободу и не замѣчалъ ея; пользовался ею, не цѣня ее, и пользовался дурно. И вотъ пришелъ часъ для тебя утратить ее совсѣмъ или отстоять ее во что бы то ни стало.

Если бы ты зналъ, что скоро пробьетъ этотъ часъ суда, ты, можетъ-быть, жилъ бы лучше; но теперь онъ уже пробилъ и тебѣ остается одно: воспрянуть, чтобы отстоять свободу, и, отстоявъ свободу, *жить потомъ иною жизнью*. Ты можешь, конечно, убоявшись, не принять на себя этого новаго бремени и отвѣтственности и не выдержать этого испытанія. Но только человѣкъ, который вступитъ на этотъ путь, добровольно признаетъ себя рабомъ: онъ жилъ тѣмъ, чѣмъ не стоило жить, и трусливо бѣжалъ отъ отвѣтственности; онъ жилъ, рабствуя своимъ инстинктивнымъ влеченіямъ и мелкимъ интересамъ, и испугался перваго окрика. Онъ жилъ, какъ рабъ, и не сумѣлъ умереть, какъ свободный. И народъ, который вступитъ на этотъ путь, есть народъ духовно погибающій: придутъ иноземцы, покорятъ его и сдѣлаютъ его духовнымъ невольникомъ, живущимъ не по своей волѣ, а по чужой.

Такъ, война несетъ людямъ и народамъ *духовное испытаніе* и *духовный судъ*. И передъ лицомъ этого испытанія инстинктъ самосохраненія зоветъ человѣка на путь духовнаго паденія и деградаціи: сохранить себя, какъ живую особь, но ради этого признать себя *неспособнымъ отвѣтить за себя* и свою жизнь. Каждый изъ насъ имѣетъ свой крестъ, свою плохость и свои качества; и война учитъ насъ брать на себя свой крестъ и свои дѣла и отвѣчать за нихъ, памятуя, что каждый человѣкъ, кто бы онъ ни былъ и чѣмъ бы онъ ни занимался, есть *самъ творецъ*

своей жизни. И если жизнь его плоха, то онъ самъ сдѣлалъ ее плохою, потому ли, что не видѣлъ ея недостатковъ, или потому, что они ему нравились. Отъ него зависѣло жить тѣмъ, что̀ есть самаго важнаго въ жизни; *главнымъ*, объективно прекраснымъ: душою, открытою для добрыхъ чувствъ, прекрасныхъ образовъ, истиннаго знанія. И тогда оказалось бы, что ему поистинѣ сто̀итъ защищать до самой смерти то, чѣмъ онъ жилъ; и что смерть въ этой борьбѣ не поразила бы его своею неожиданностью и ненужностью.

Война учитъ насъ всѣхъ, — призванныхъ подъ оружіе и не призванныхъ, — жить такъ, чтобы смерть являлась не постылымъ и позорнымъ окончаніемъ озлобленнаго и хищнаго прозябанія; но естественнымъ увѣнчаніемъ жизни, послѣднимъ, самымъ напряженнымъ, *творческимъ актомъ* ея; чтобы дѣйствительно каждому стоило защищать дѣло его жизни хотя бы цѣною мученій и смерти. И это простое правило сосредоточиваетъ въ себѣ всю вѣковую нравственную мудрость человѣчества. Оно даетъ преодолѣніе смерти потому, что превращаетъ самую смерть въ *подлинный актъ духовной жизни.*

Война учитъ насъ провѣрять нашу жизнь, ея достоинство, ея качество, ея вѣрность, ея правоту — поставляя ее передъ необходимостью защищать дѣло ея до конца; война учитъ насъ судить и испытывать жизнь — смертью и превращать смерть въ высшее жизненное и духовное проявленіе. Она указываетъ намъ путь *героя* и требуетъ, чтобы этотъ путь сталъ общимъ, универсальнымъ; и этимъ она даетъ разрѣшеніе основной жизненной проблемы.

Фундаментальная библиотека Общественных Наук Отделения Наук СССР

Этотъ путь необходимо предполагаетъ такую жизнь, при которой отказъ отъ нея былъ бы *не труденъ* человѣку. Эта духовная естественность и нравственная незатрудненность въ отказѣ отъ жизни недоступны тѣмъ, кто—сознательно или безсознательно—полагаетъ центръ тяжести въ своемъ *личномъ* удовлетвореніи и благополучіи. Если въ жизни я занятъ болѣе всего *собою*, то смерть, ликвидирующая мое эмпирическое существованіе, повергаетъ меня въ растерянность и блѣдный страхъ: какъ отдамъ я *мою жизнь*, если *моя* жизнь есть для меня самое главное? Или, если въ жизни я занятъ болѣе всего *моимъ богатствомъ*, то какъ отдамъ я *мою жизнь*: мое имущество перестанетъ тогда быть *моимъ* имуществомъ. И такъ во всемъ: для того, кто въ *себѣ* и *своемъ* полагаетъ главное, смерть никогда не станетъ актомъ жизни; смерть всегда будетъ для него концомъ его «главнаго». Смерть всегда останется для него пораженіемъ и никогда не станетъ побѣдой; ибо умереть, защищая *свою* жизнь, есть, дѣйствительно, пораженіе: даже въ томъ случаѣ, если человѣкъ, умирая, сразилъ своего недруга, онъ все же потерялъ то главное, которое онъ защищалъ, — *свою жизнь*. Въ самомъ дѣлѣ, если онъ *погибаетъ*, *храбро* защищая свою личную жизнь отъ своего личнаго врага, напавшаго на него въ глухомъ мѣстѣ, то тяжелое положеніе его можетъ вызвать въ насъ сочувствіе, а храбрость, проявленная имъ — наше удивленіе. Но гибель его останется *неудачей* его жизненнаго дѣла; дѣло его было смертно, какъ онъ самъ, и погибло вмѣстѣ съ нимъ: ибо дѣло его сводилось къ его *личному самосохраненію*. Онъ палъ, не побѣдивъ. Не благоразумнѣе ли ему было *бѣжать* отъ опасности,

спасаясь? Ибо стóитъ ли вообще рисковать своимъ главнымъ дѣломъ, т.-е. своею жизнью? Не проще ли поставить ее внѣ опасности, освободить ее отъ необходимости этой опасной самозащиты?

Именно такъ слагается *настроеніе дезертира*. Дезертиръ это человѣкъ, который жилъ такъ, что умирать за свое жизненное содержаніе ему не стóитъ, и у котораго нѣтъ ничего такого, чтó онъ любилъ бы больше себя. Таково душевное состояніе человѣка, который деморализуется немедленно послѣ начала духовнаго испытанія: призывъ на войну есть для него начало паденія, а не подъема. Возстать на защиту, не опасаясь мученій и не избѣгая, если нужно, и смерти, поистинѣ можетъ только тотъ, кто вообще способенъ любить что-нибудь *больше себя*. Можетъ-быть, нигдѣ это чувство не живетъ такъ естественно и цѣльно, какъ въ душѣ матери. Мать, когда встаетъ опасность для ея ребенка, защищаетъ его, не помышляя объ опасности для себя: ребенокъ, ея *главное*, ея любимое, ея выстраданное, дороже ей, чѣмъ ея жизнь. Тургеневъ видѣлъ однажды, какъ птичка бросилась защищать своего птенца отъ сильнѣйшаго врага, и, потрясенный видѣннымъ, записалъ: «Любовь сильнѣе смерти и страха смерти; только ею, только любовью держится и движется жизнь». Не съ тою ли же непосредственностью защищаетъ мужъ свою жену? И вотъ такъ же просто встаютъ люди на защиту своей родины и ея духовнаго достоянія.

Во всѣхъ этихъ порывахъ одно всегда имѣется налицо: горящее чувство, что безъ этого, защищаемаго мною предмета, мнѣ самому *нѣтъ жизни*. Если *это* погибнетъ, то я не могу жить; конецъ *этого* — есть *мой* конецъ. Жизнь станетъ мнѣ смертью, пу-

стыней, могилой; невыносимымъ бременемъ, можетъ-быть, духовнымъ разложеніемъ. *Все* лучше, чѣмъ это. Все не страшно, только бы этого не случилось. Все перенесу, только бы *это* спасти. И даже мыслей этихъ можетъ не быть, а только одинъ огонь чувства.

Если человѣкъ, живя такъ, любитъ что-нибудь больше себя, — свой народъ, или его искусство, или свободу, или хотя бы природу своего отечества (вспомнимъ Карамзина), — тогда въ трудахъ и опасностяхъ онъ не видитъ *долга* или обязанности, онъ не «приноситъ *жертву*», онъ не знаетъ колебаній. Нѣтъ долга, но есть *добрая воля*, своя охота. Нѣтъ жертвы, но свободная легкая отдача себя, и, можетъ-быть, даже больше, чѣмъ себя: любимыхъ людей (мужа, дѣтей, друзей); и такая отдача не есть «жертва», ибо въ жертвѣ всегда остается еще жалѣющая судорога скупца. Нѣтъ колебаній, но цѣлостное, нераздвоенное рѣшеніе, непосредственное и незамѣтное. Тогда человѣкъ твердо знаетъ и чувствуетъ, что иначе нельзя; что иначе онъ не можетъ и не хочетъ; и не можетъ иначе хотѣть; и не хочетъ иначе мочь. Смерть есть конецъ *его*, но не его дѣла. Лучше *ему* не быть, рѣшаетъ онъ, чѣмъ чтобы воцарился на землѣ грубый произволъ своекорыстныхъ людей, идущихъ покорить его родину.

Этому учитъ насъ духовный смыслъ войны: «живи такъ, чтобы ты при жизни любилъ нѣчто высшее *болѣе, чѣмъ себя*». Тогда только ты справишься легко и непосредственно не только съ тѣмъ духовнымъ испытаніемъ, которое несетъ тебѣ война, но и со всякимъ бременемъ жизни. Потому что только тогда ты осуществишь въ душѣ твоей состояніе истиннаго, непоколебимаго *удовлетворенія*, наполняющаго жизнь

радостной, творческой легкостью, и въ то же время— состояніе цѣлостной, *нравственной красоты*, слагающей духовный образъ *героя*. Объ этомъ свидѣтельствовали всѣ великіе нравственные учителя человѣчества. Скажи мнѣ, что ты полагаешь самымъ важнымъ и главнымъ въ жизни, и я скажу тебѣ, кто ты.

Именно на этомъ пути слагается истинное *нравственное добровольчество*. Добровольцы, совершая доброе дѣло, совершаютъ его не потому, что такъ велитъ законъ государства или къ этому понуждаетъ чувство долга, но потому, что они *любятъ свое дѣло*, притомъ любятъ его *больше себя*. Здѣсь слѣдуетъ разумѣть не только военныхъ добровольцевъ, да и не ко всѣмъ къ нимъ это относится; но *нравственныхъ, духовныхъ добровольцевъ* въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, *жизненныхъ* добровольцевъ, тѣхъ, кто въ обычной жизни живетъ добровольцемъ добра и духа. Эти люди и въ повседневной жизни, даже когда жертвуютъ, то не «жертвуютъ», а отдаютъ добровольно, легко и удовлетворенно. Говоря объ этомъ добровольчествѣ, не слѣдуетъ имѣть въ виду только войну; нѣтъ, война есть только переходная, преходящая эпоха; война есть только одно изъ явленій народной жизни; жизнь шире войны и больше войны. И не нужно совсѣмъ, чтобы *всѣ* шли добровольцами на войну, потому что изъ этого не вышло бы ничего, кромѣ ратной помѣхи, духовнаго застоя и экономическаго разоренія. Но война учитъ насъ *жить всегда такъ, чтобы быть готовымъ встать на защиту того высшаго, которое мы любимъ больше себя*.

Каждый часъ жизни несетъ намъ поводъ и возможность стать дезертиромъ или добровольцемъ; бѣ-

жать, спасая себя, или отдать все на защиту. И каждый изъ насъ слагаетъ свою жизнь, какъ компромиссъ изъ дезертирства и добровольчества. Но хуже всего то, что мы такъ легко прощаемъ себѣ это нравственное дезертирство по мелочамъ. Прощенныя мелочи незамѣтно въѣдаются въ ткань нашей души и разъѣдаютъ ее; а когда приходитъ часъ духовнаго испытанія, то мы можемъ вдругъ оказаться безсильными и безвольными дезертирами въ большомъ.

Правда, живя изо дня въ день, мы нерѣдко сами не знаемъ, какая сильная любовь къ родинѣ дремлетъ въ нашей душѣ. Но неужели въ самомъ дѣлѣ иноземный врагъ долженъ напасть на нашу родину для того, чтобы мы вспомнили о смерти, о любви и о нашемъ высшемъ духовномъ призваніи?..

Правда, русскій народъ не разъ доказывалъ свою способность превратиться изъ «дезертира по мелочамъ» въ «добровольца великаго дѣла». Но неужели мы способны къ этому только въ годину бѣдъ? Неужели, когда пройдетъ эта година, мы снова начнемъ копошиться въ мелочахъ своекорыстнаго укрывательства?

Пусть же будетъ такъ, что, если мы переживемъ эту войну, то духовные уроки ея останутся жить въ насъ навсегда.

III.

Итакъ, война имѣетъ духовное *значеніе*. И притомъ *всякая* война, хотя и *не* всякая война имѣетъ духовное *оправданіе*.

Духовное значеніе имѣетъ *всякая* война, ибо всякая война есть *потрясеніе*, *испытаніе* и *судъ* для *всей* жизни народа, который въ ней участвуетъ; а

слѣдовательно и для ея духовныхъ силъ. Однако, если всякая война есть потрясеніе, испытаніе и судъ для жизни народа, то *не* всякая война есть правая для того народа, который въ ней участвуетъ. Воюя, народъ можетъ быть правъ и не правъ; и война его будетъ имѣть духовное оправданіе лишь въ томъ случаѣ, если онъ правъ, воюя.

Духовная оправданность войны опредѣляется тѣми *мотивами*, которые побудили народъ открыть военныя дѣйствія, и тѣми *цѣлями*, которыя онъ, воюя, имѣетъ въ виду и осуществляетъ. Скажи мнѣ, *ради чего* ты началъ войну и ведешь ее, и я скажу тебѣ, правъ ты или не правъ. Эти мотивы и цѣли бываютъ обыкновенно ясны и *до* начала военныхъ дѣйствій, и во всякомъ случаѣ выясняются быстро и отчетливо. Между тѣмъ *духовное значеніе* войны опредѣляется творческой дѣятельностью народа *во время* войны и *по окончаніи* ея. Оно опредѣляется тѣмъ откликомъ, тѣмъ движеніемъ въ народѣ, которое вызывается войною; тѣмъ *духовнымъ подъемомъ*, который слагается въ народѣ во время войны и послѣ нея. Скажи мнѣ, что̀ вызвала война въ твоей душѣ; скажи мнѣ, *какъ* ты воевалъ, и что извлекъ ты изъ трудовъ и страданій войны, и я скажу тебѣ о томъ, каково было ея духовное значеніе въ твоей жизни.

Понятно, что духовное значеніе и духовное оправданіе могутъ находиться въ самомъ различномъ соотношеніи. Такъ, народъ можетъ быть правъ, вступая въ войну, если, напримѣръ, на него совершаютъ, повидимому, ничѣмъ съ его стороны не вызванное нападеніе; но испытанія своего онъ можетъ въ ней не выдержать, обнаруживая духовное оскудѣніе или неспособность возстать на защиту своего духовнаго

достоянія; или же превращая войну въ мародерство и самъ впадая въ озвѣрѣніе; или, наконецъ, обнаруживая неспособность творчески справиться съ военнымъ потрясеніемъ, его уроками и послѣдствіями. Напротивъ, народъ можетъ быть *не правъ* по тѣмъ мотивамъ и цѣлямъ, которые привели его къ войнѣ; но зато обнаружить въ войнѣ огромную любовь къ родинѣ, истинное самопожертвованіе, или же способность творчески справиться съ военнымъ потрясеніемъ, его уроками и послѣдствіями.

Понятно также, что каждая война требуетъ особаго разсмотрѣнія съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія и что притомъ положеніе каждаго народа должно быть разсмотрѣно особо. Въ качествѣ общаго *закона* здѣсь можно установить лишь то, что духовно живой, духовно сильный и творческій народъ растетъ и возрождается и послѣ тѣхъ войнъ, въ которыхъ онъ потерпѣлъ ратную неудачу: такъ было съ Россіей послѣ крымской и японской войнъ, съ Германіей послѣ наполеоновскихъ войнъ. И въ качествѣ общаго *правила* можно установить, что каждому народу слѣдуетъ желать, чтобы война имѣла для него максимальное духовное значеніе, т.-е. чтобы она вызвала расцвѣтъ его лучшихъ духовныхъ силъ, отъ которыхъ питаются и должны питаться всѣ послѣдующія поколѣнія и другіе народы.

И еще одно несомнѣнно: какова бы ни была война и каковы бы ни были ея духовныя послѣдствія, ей всегда гарантированъ извѣстный минимумъ духовнаго значенія. Отъ насъ зависитъ превратить этотъ дающійся намъ минимумъ — въ максимумъ. И для этого намъ надлежитъ помнить ежечасно: мы *еще* творимъ

эту войну, и въ этомъ творчествѣ ни одно усиліе, ни одинъ порывъ, ни одно живое искреннее слово не пропадаетъ даромъ. И если передъ нами сейчасъ встаетъ вопросъ, справимся ли мы духовно съ этою войною, то попытаемся прежде всего отдать себѣ отчетъ въ томъ, что такое война, какъ явленіе народной жизни; какія цѣли и какіе мотивы могутъ сдѣлать войну духовно оправданной, и наконецъ, каково наше положеніе въ настоящей войнѣ. И тогда только мы найдемъ путь къ осознанію встающихъ передъ нами духовно творческихъ заданій. Въ осознаніи ихъ залогъ нашей духовной побѣды.

Мы установили духовный смыслъ войны, какъ испытанія и суда надъ жизнью людей и народовъ. Война учитъ насъ жить, любя нѣчто высшее, такое, за что стоило бы и умереть; любить его больше, чѣмъ себя, и доброю волею становиться на его защиту. Но все ли заслуживаетъ такой любви и такой защиты? И, если не все, то что же именно? И противъ чего воздвигаетъ угрозу война, подобная той, которую мы теперь переживаемъ?

Въ жизни народа, какъ и въ жизни отдѣльныхъ людей, бываютъ эпохи, когда онъ видитъ себя лицомъ къ лицу съ нѣкоей *внѣшней силой*. Эта сила, развиваясь по своимъ внутреннимъ законамъ, осуществляя *свою* природу, властно рѣшаетъ вопросъ о бытіи и жизни народа; рѣшаетъ, какъ сильный о слабомъ, творя свою силу и не спрашивая слабаго объ его согласіи; рѣшаетъ отъ себя и помимо него: *быть ему или не быть?* Такую эпоху народъ переживаетъ каждый разъ, какъ передъ нимъ *реально* (т.-е. не только въ отвлеченной возможности) встаетъ *практическій* (т.-е. призывающій не къ размышленію

только, а къ *дѣйствію*) вопросъ: *будетъ ли онъ и впредь существовать, какъ духовно живой и духовно творящій народъ*, или же передъ нимъ начало разложенія, пассивности и гибели?

Такую эпоху народъ переживаетъ *не только въ войнѣ*. Кромѣ войны, на ряду съ нею, есть еще цѣлый рядъ событій и обстоятельствъ, которыя ставятъ народъ передъ тѣмъ же вопросомъ о жизни и смерти, о расцвѣтѣ его духовныхъ силъ или начинающемся угасаніи ихъ. Въ такую эпоху народъ вступаетъ каждый разъ, какъ слагаются условія, угрожающія *общему народному духовному достоянію*.

Въ чемъ же состоитъ это достояніе? И что значитъ: «духовное достояніе»? И какія же условія могутъ угрожать ему?

Условимся называть «*душою*» весь потокъ нашихъ внутреннихъ переживаній, во всемъ его объемѣ и разнообразіи. Душа — это вся совокупность того, что происходитъ въ нашемъ «сознаніи», а равно и въ нашемъ «безсознательномъ», на протяженіи всей нашей жизни: это наши чувства, болевыя ощущенія, пріятныя и непріятныя состоянія, воспоминанія и забвенія, впечатлѣнія и помыслы, проносящіеся въ насъ мимолетно, а также дѣловыя соображенія и заботы, приковывающія насъ къ себѣ надолго. Если мы будемъ называть все это «душою», то «*духомъ*» мы назовемъ душу только тогда, когда она живетъ своими *главными силами и глубокими слоями*, устремляясь къ тому, что человѣкъ признаетъ *высшимъ* и *безусловнымъ* благомъ. Слѣдовательно, «*духъ*» это прежде всего то, что *значительно* въ душѣ. Это «*значительное*» слишкомъ часто не совпадаетъ съ тѣмъ, что имѣетъ «субъективное значеніе» для того или другого

отдѣльнаго человѣка; мы нерѣдко интересуемся неважными и неглавными дѣлами въ жизни, влечемся къ тому, что намъ «пріятно», приковываемся ко второстепеннымъ подробностямъ, дорожимъ интимными пустяками, любимъ то, что не заслуживаетъ ни любви ни признанія. Замѣчательно, что въ такихъ случаяхъ и чувство наше становится обыкновенно маленькимъ и слабымъ: легко угасаетъ и не зажигаетъ душу красотою и героическимъ порывомъ; когда же вспыхиваетъ сильнѣе и принимаетъ форму страсти, то увлекаетъ душу въ смѣшныя и жалкія положенія, или, въ худшемъ случаѣ, приводитъ человѣка къ неистовымъ, озлобленнымъ и жестокимъ, слѣпымъ и несчастнымъ поступкамъ.

Въ отличіе отъ того, что имѣетъ *только* «субъективное значеніе», есть на свѣтѣ и такое, что имѣетъ *объективное* значеніе. И вотъ, когда человѣкъ живетъ *духовной жизнью,* то онъ испытываетъ нѣчто, какъ самое лучшее и высшее; не какъ для него только наиболѣе удобное и пріемлемое, пріятное (отъ пріяти, принять); но какъ объективно важнѣйшее, какъ *дѣйствительно* самое главное, какъ значительное въ *послѣднемъ измѣреніи;* оно остается самымъ важнымъ даже и въ томъ случаѣ, если многіе или всѣ люди отвернутся отъ него, отвергнутъ его и откажутъ ему въ своемъ признаніи: потому что не человѣческимъ избраніемъ опредѣляется достоинство предмета, но истиннымъ внутреннимъ качествомъ его, вѣрностью и совершенствомъ его *передъ лицомъ Божіимъ.* Когда человѣкъ живетъ духовною жизнью, то это «важнѣйшее» становится и для него, въ его жизни именно въ силу своего внутренняго достоинства передъ лицомъ Божіимъ, — предметомъ любви

и радости. Душа, побѣжденная объективнымъ качествомъ предмета, тянется къ нему, какъ къ солнцу, сердцемъ, волею и помышленіемъ; и безкорыстно радуется этому предмету и его качеству, предчувствуя въ немъ и достигая черезъ него сама высшихъ граней, доступныхъ человѣку. Душа посвящаетъ себя этому предмету; она творитъ его въ жизни, осуществляетъ и раскрываетъ его, зная, что только ради этого творчества людямъ и стоитъ вообще жить на свѣтѣ.

Все, что люди сдѣлаютъ на землѣ въ такомъ духовномъ устремленіи, — даже если они при этомъ добросовѣстно заблуждаются, — *все* это получаетъ *духовное* значеніе и *духовную* цѣнность. Человѣку не дано сразу познать *истину*, создать *красоту* и осуществить въ себѣ *добрую волю*; ему суждено пройти долгій путь уклоненій и заблужденій, выстрадать глубину паденій и отчаянія. Но всѣ эти *ступени*, по которымъ совершается духовное восхожденіе человѣка, и точно такъ же все то въ *природѣ вещей*, что ведетъ къ расцвѣту на землѣ красоты, истиннаго знанія и добра, являясь или *прообразомъ* или *необходимою основою* высшихъ достиженій — все это слагаетъ вкупѣ духовное достояніе и духовное богатство человѣчества.

Согласно этому, *духовнымъ достояніемъ*, которое дѣйствительно стоитъ защищать всѣми силами, какъ высшее благо, слѣдуетъ признать: во-первыхъ, все то, *что создано* человѣчествомъ и въ частности даннымъ народомъ въ его духовномъ устремленіи — его науку, его философію, его религію, его музыку, его живопись, его литературу, его театръ, его пѣсню, его архитектуру. Во-вторыхъ, всѣ тѣ *живыя силы*,

которыя *создаютъ* эти богатства, или *могутъ* создавать ихъ и создавали бы при другомъ, болѣе совершенномъ устройствѣ жизни: и прежде всего жизнь каждаго отдѣльнаго человѣка, какъ возможность своеобразнаго отраженія и выраженія духовной высоты; и особенно — личную жизнь національнаго генія, какъ уже осуществившееся чудесное выраженіе духовнаго полета. Наконецъ всѣ тѣ основныя и необходимыя жизненныя условія и формы, внѣ которыхъ гибнетъ или не расцвѣтаетъ духовная жизнь народа: это — свобода жизни, исканія и созиданія, т.-е. экономическая, политическая и церковная нестѣсненность въ личномъ, групповомъ, національномъ и государственномъ самоопредѣленіи. Чтобы жить *прекрасно,* надо жить *свободно:* человѣкъ не долженъ притѣснять человѣка. Чтобы жить прекрасно и свободно, народъ не долженъ прозябать впроголодь или платить за пропитаніе неотрывнымъ, цѣлодневнымъ, изнуряющимъ трудомъ.

Все это — духовныя блага, духовное достояніе народа. Въ этомъ объято все то, безъ чего жизнь людей на землѣ не можетъ стать достойной и прекрасной: то, *что* творится въ духовномъ устремленіи; тѣ, *кто* творитъ явленіе духа, и та *основа жизни,* на которой слагается и вырастаетъ духовное явленіе. Изъ этого достоянія не должна быть изъята и такъ называемая «матеріальная культура». Пусть люди, пренебрегающіе душою и не вѣдающіе духа, предаются служенію ей, какъ якобы самостоятельной цѣнности, и живутъ въ слѣпотѣ къ ея духовному назначенію; они осуществляютъ хозяйство ради хозяйства, накапливаютъ богатство ради богатства, развиваютъ технику ради техническаго развитія, предпринимаютъ

вооруженія ради того, чтобы лучше вооружиться; они слѣпнуть постепенно, застревая во вторичномъ и служебномъ, въ средствахъ, принимая элементарную и матеріальную основу прекрасной жизни за самоё прекрасную жизнь; и только величайшіе кризисы и потрясенія, — экономическіе, политическіе и военные, — въ которые ихъ неизбѣжно вовлекаетъ ихъ слѣпая работа, способны хоть на мигъ пробудить ихъ и напомнить имъ о высшемъ назначеніи человѣка.

И вотъ тогда, когда народъ *сознаетъ* свое общее достояніе, и умѣетъ любить его, и когда совершается событіе, угрожающее этому духовному достоянію, его бытію и росту, — тогда онъ внемлетъ призыву: встань и смотри, что̀ угрожаетъ твоему духовному достоянію и что̀ надлежитъ тебѣ дѣлать?

Таковы всѣ событія, допускающія и требующія творческаго отвѣта со стороны народа, усилій и борьбы. Уже тогда, когда близится голодъ или черная смерть, и моръ грозитъ унести несмѣтныя народныя силы; или когда стихія огня или воды грозитъ истребить жизнь и жилища и иное богатство народное, — лучшія силы націи идутъ на борьбу съ бѣдою и полагаютъ свою жизнь ради предотвращенія худшихъ золъ и бѣдъ.

Но несравненно глубже потрясеніе и одухотвореннѣе призывъ тогда, когда опасность грозитъ не элементарной основѣ духа, а зрѣлому явленію его.

Таковъ прежде всего моментъ, когда изъ жизни уходитъ *геній*. Невидныя, часто ускользающія отъ душевнаго вниманія, но творческія, драгоцѣнныя духовныя нити связуютъ нашу жизнь съ жизнью національнаго генія. Жизнь такого человѣка составляетъ

поистинѣ духовное достояніе его народа и смерть его испытывается нерѣдко, какъ внезапное общее оскудѣніе; потому что мы всѣ связаны имъ и въ немъ воедино; мы всѣ связаны черезъ него съ *откровеніемъ духовнымъ*. Еще на смерть Пушкина Россія недоумѣнно молчала и горе Лермонтова и горе Гоголя было одиноко. Но уже кончину Достоевскаго многіе испытали, какъ стряшуюся надо всѣми нами бѣду. Толстой какъ бы несъ на себѣ бремя нашей совѣсти; и уходъ его мы испытали, какъ удвоеніе нашей моральной отвѣтственности; тогда вставалъ передъ нами вопросъ: какъ будемъ мы жить безъ его зова? справимся ли съ удвоеннымъ бременемъ? сумѣемъ ли поддержать въ себѣ и въ жизни нашей огонь его нравственнаго горѣнія? чѣмъ засвидѣтельствовать намъ, что мы дѣйствительно хотимъ быть достойными его, что дѣло его жизни мы признаемъ воистину нашимъ общимъ дѣломъ?

Таковъ далѣе моментъ, когда гибнутъ—по несчастію или по злому умыслу—созданія народнаго искусства, предстоящія въ видѣ хрупкихъ, сгораемыхъ, незамѣнимыхъ по своей формѣ и по своему духовному содержанію вещей. Единственныя въ своемъ родѣ, неповторимыя и не возстановимыя, эти созданія живописи, скульптуры и архитектуры переживаются нами, какъ даръ особаго счастія, какъ сосредоточенное выраженіе того лучшаго въ насъ, что̀ не есть уже человѣческое, но божественное, что есть выстраданный и постигнутый нашимъ народомъ вкупѣ ликъ Божества. Это изображеніе божественнаго въ матеріи является уже *общечеловѣческимъ* достояніемъ и истребленіе произведеній искусства, созданныхъ нашимъ народомъ, можетъ испытываться

нами поэтому не только какъ насиліе и несправедливость, причиненныя *намъ*, но какъ прямой ущербъ, понесенный *всею* духовною жизнью человѣчества.

Таковъ далѣе моментъ и таковы цѣлыя эпохи, когда происходитъ подавленіе свободной, научной и религіозной очевидности, идущее отъ косной догмы и корыстной силы. Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ гибнетъ лучшее духовное достояніе, когда истинные ученые, безкорыстно ищущіе знанія, преслѣдуются и сожигаются, какъ колдуны, или изгоняются, обвиненные, подобно Сократу, въ «пагубномъ вліяніи на молодежъ»; когда противъ ересиковъ идутъ крестовые походы, а Джіордано Бруно и Гуссъ всходятъ на костеръ; когда отъ лица науки и философіи говорятъ льстецъ и демагогъ, или гибнутъ, какъ въ Лувенѣ, цѣлыя гнѣзда научной жизни. Тогда на святомъ мѣстѣ воцаряется запустѣніе и возникающее отсюда духовное разложеніе, гораздо страшнѣе, чѣмъ разрушеніе зданія или сожженіе книгохранилища.

Таковы далѣе тѣ эпохи, когда обычный укладъ жизни народовъ, всегда остающійся далекимъ отъ справедливости, принимаетъ совершенно уродливыя формы и одна группа или классъ людей получаетъ возможность осуществлять принудительно по отношенію къ остальнымъ людямъ свой узкій групповой интересъ. Сколько разъ исторія была свидѣтельницей того, какъ вставала и осуществлялась угроза естественнымъ правамъ личной свободы; какъ политическое и экономическое преобладаніе увлекало преобладающую группу на путь полнаго подавленія обездоленныхъ группъ; какъ люди, принадлежащіе

къ господствующей націи, видѣли въ угнетеніи привходящихъ національностей свое истинное назначеніе и не останавливались ни передъ какими, даже самыми отвратительными, средствами. Тогда общественная жизнь переполняется чувствами страха, подозрѣнія и презрѣнія, и встаетъ опасность полнаго вырожденія ея: кажется еще немного и души разорвутся отъ безсильнаго озлобленія и погибнутъ послѣдніе остатки доброты въ стихійномъ порывѣ неправой злобы и праваго негодованія.

Таковы, наконецъ, тѣ эпохи, когда одинъ народъ совершаетъ нападеніе на другой, ради подчиненія и своекорыстнаго угнетенія. Пережить такое нападеніе выпало на долю Россіи въ наши дни.

И вотъ исторія свидѣтельствуетъ о томъ, что творчески и духовно живые народы умѣли достойно реагировать на всѣ эти опасности и угрозы, особенно, если онѣ касались осознаннаго и любимаго народомъ зрѣлаго духовнаго достоянія. Такой народъ отвѣчаетъ на духовное бѣдствіе — духовной активностью, напряженною героическою борьбою. Онъ отвѣчаетъ на стихійное бѣдствіе — организованной самопомощью; на смерть генія — порывомъ къ духовному самоуглубленію и очищенію; на подавленіе религіозной очевидности — реформаціей; на борьбу со свободною наукой — открытымъ исповѣданіемъ истины; на несправедливый гнетъ — политическою самоорганизаціей; а на внѣшнее нападеніе — народною войною.

IV.

Безспорно, такую эпоху народъ переживаетъ не въ каждой войнѣ. Не всякая война имѣетъ такое *духовное оправданіе*, хотя каждая воюющая сторона старается изобразить свое дѣло, какъ духовно оправданное. Это стремленіе обнаруживается въ нашъ вѣкъ больше, чѣмъ когда-нибудь. И вотъ мы видимъ, какъ слагается такъ называемая «публичная идеологія» войны, которая имѣетъ свою практическую задачу и нерѣдко осуществляетъ ее даже въ томъ случаѣ, если вся она насквозь фальшива и искусственна. Но именно поэтому ее необходимо отличать отъ подлинныхъ духовныхъ цѣлей войны. Публичная идеологія есть нерѣдко не что иное, какъ идейный дурманъ, потребный воюющему для поддержанія въ себѣ воинственнаго самочувствія. Напротивъ, истинные духовные мотивы войны не могутъ быть выдуманы искусственно; они нерѣдко лишь смутно чувствуются народомъ; они нерѣдко живутъ на ряду съ публичной идеологіей, утверждая свою независимость и свою жизненную силу, т.-е. свою способность направлять дѣятельность людей.

Народная совѣсть, не обманутая ложью и не затемненная «публичной идеологіей», рѣшаетъ, нерѣдко съ поразительной безошибочностью, вопросъ о духовной оправданности войны. Она ставитъ этотъ вопросъ такъ: что̀ будетъ съ нашимъ духовнымъ ростомъ, и, далѣе, шире, что̀ будетъ съ духовнымъ развитіемъ человѣчества вообще, если *не мы* побѣдимъ въ этой войнѣ? И прежде всего: останемся ли

мы свободно живущимъ и духовно творящимъ, духовно *самобытнымъ* народомъ? И еще недавно, въ японскую войну, мы говорили: да, останемся; война эта не грозитъ нашему духовному достоянію; нельзя воевать просто изъ-за территоріи или изъ-за сомнительнаго рынка. И война та не стала народною войною.

А теперь мы говоримъ: нѣтъ, не останемся. Германія идетъ на насъ, презирая наши духовныя силы; она идетъ принудительно навязать намъ штампъ своей культуры, какъ въ ея здоровыхъ, такъ и въ ея больныхъ частяхъ, безразлично; она идетъ превратить насъ въ свой покорный и выгодный рынокъ; она видитъ въ насъ варваровъ, «русскія орды», которыя должны, въ благодарность за благодѣянія принудительнаго цивилизованія, предоставить себя (хотя бы изъ простого приличія, если не изъ чувства благодарности) — для экономической эксплуатаціи. Германія идетъ на насъ, открыто признавая, что «сильный всегда правъ», и что народы, у которыхъ техническая и политическая сторона жизни развита недостаточно, суть дикіе народы, предназначенные нести на своихъ плечахъ народъ болѣе преуспѣвшій въ своемъ жизненномъ устройствѣ. Она идетъ отсѣчь отъ насъ живые члены нашего духовнаго славянскаго единства и водворить въ русской жизни тѣ начала, слѣпая работа которыхъ вовлекла ее самоё въ столь глубокое потрясеніе и кризисъ.

Осознавъ все это, мы увидѣли въ этомъ нападеніи тяжелую угрозу всему нашему духовному достоянію и встали на защиту нашей свободы и самобытности. Только мы сами, и никто другой за насъ или вмѣсто насъ, только мы сами, свободнымъ самостоятельнымъ

духовнымъ трудомъ можемъ выбрать изъ нѣмецкой культуры то, что въ ней общечеловѣчно, глубоко или хотя бы просто здорово, отъ того, что въ ней разложилось, отцвѣло или омертвѣло; только мы сами можемъ, отбросивъ второе, свободно, творчески усвоить себѣ первое, оставаясь независимой и великой націей. И русскій народъ доказалъ уже свою способность признавать духовныя достиженія другихъ народовъ и учиться у нихъ тому, что у нихъ есть лучшаго.

Какъ это просто и понятно: нельзя дать себя поработить; нельзя дать превратить себя въ средство для хозяйственнаго процвѣтанія другого народа. *Духовный ростъ немыслимъ въ условіяхъ принудительности и порабощенія.* Эту элементарную, великую аксіому мы всѣ признали и возстали. И война эта, воистину духовно оправданная война, стала *войною народною.*

Послѣ всего сказаннаго нетрудно признать, что всякая оправданная война есть *духовно-оборонительная.*

Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, философія вкладываетъ особый смыслъ въ обиходный или спеціальный терминъ. Обычно отличаютъ наступательную войну отъ оборонительной въ зависимости отъ того, кто первый объявилъ войну, или кому принадлежитъ иниціатива на ратномъ полѣ, или кому удалось перенести столкновенія на вражескую территорію. Мы же называемъ *оборонительною* ту войну, въ которой опасность грозитъ духовному достоянію обороняющагося народа и народъ этотъ поднимается на его защиту. Это есть *духовная* оборона и передъ этою основною сущностью войны оказы-

вается второстепеннымъ, кто именно объявилъ войну, занялъ ли кто-нибудь чужую территорію и т. д. Эта духовная оборона можетъ даже при случаѣ получить характеръ явнаго нападенія. Такъ, войны съ Наполеономъ въ 1813—1815 годахъ имѣли характеръ нападенія, но были по существу оборонительныя войны, хотя союзники прошли черезъ Европу и вступили въ Парижъ. Точно такъ же война 1877 года за освобожденіе славянъ была войною оборонительною, хотя русскія войска дошли почти до Константинополя. Подобно этому настоящая война наша съ Германіей есть война духовно-оборонительная и останется ею даже въ томъ случаѣ, если русскія войска войдутъ въ центръ Германіи и если миръ присоединитъ къ Россіи польскія и славянскія земли. Потому что великій народъ, обороняясь, заставляетъ прежде всего признать свою самобытность, заставляетъ противника покончить со всѣми этими недостойными разговорами о мнимомъ варварствѣ, заставляетъ отнынѣ уважать себя и видѣть въ себѣ равнаго, хотя по возрасту и младшаго брата въ духовной семьѣ великихъ народовъ. Обороняясь, онъ утверждаетъ свое неотъемлемое право на свободный ростъ и духовную независимость; онъ собираетъ въ этой борьбѣ свои племена и отвѣтвленія, и полагаетъ основаніе свободному и равному общенію между народами. Такъ, настоящая война должна повести къ тому, чтобы всѣ иностранцы и главное нѣмцы разсмотрѣли, наконецъ, духовную самостоятельность и духовную глубину Россіи, ея духовную силу и значительность. Эта самобытность никогда не мѣшала намъ учиться у другихъ народовъ, и не помѣшаетъ этому и впредь; но «ученіе» это должно оставаться всегда дѣломъ на-

шего внутренняго и самостоятельнаго труда, не заслуживающаго ни въ какомъ отношеніи и ни съ чьей стороны презрѣнія. И послѣ этой войны наши враги и наши союзники поймутъ, что имъ слѣдуетъ изучать прежде всего русскій языкъ съ тѣмъ вниманіемъ и съ тою любовью, съ какими мы изучаемъ *ихъ* языки. Потому что русскій языкъ есть языкъ Пушкина и Лермонтова, языкъ Державина и Тютчева, Гоголя и Грибоѣдова, языкъ Толстого и Достоевскаго; языкъ нашей науки, нашей церкви, нашего театра и нашего философскаго исканія.

И вотъ теперь, если сказать, что война имѣетъ духовную природу и духовный смыслъ, то это не должно показаться неожиданнымъ. Война есть прежде всего явленіе народной жизни; а жизнь народа имѣетъ духовный смыслъ, опредѣляющійся единымъ и высшимъ назначеніемъ человѣка. Война есть совмѣстное, совокупное дѣяніе людей, сознательное, напряженное творческое дѣло огромнаго множества сотрудниковъ. Въ этомъ творчествѣ участвуетъ *весь* воюющій, и тѣло его, и душа, т.-е. и сознаніе, и чувство, и мысль, и воля, и воображеніе, и то безсознательное, разстройство котораго приводитъ къ намъ съ передовыхъ позицій душевно больныхъ воиновъ. И прежде всего, и главнѣе всего война есть дѣло *воли*, подчиняющей себѣ воображеніе и чувство, извлекающей изъ тѣла и души максимумъ усилій и стойкости.

Все то, чѣмъ человѣкъ въ обычное время любитъ благородство и презираетъ низость; радуется красотѣ и страдаетъ отъ уродства; мыслитъ въ познаніи и рвется къ лучшему; сомнѣвается и вѣруетъ, — всѣ эти силы души и духа оказываются вовлеченными

въ войну. Война есть дѣяніе не только тѣла, но и души; не только тѣла и души, но и духа. Война не есть чисто физическая или физіологическая борьба вооруженныхъ массъ; она есть, какъ это ни странно на первый взглядъ, *общеніе* людей, хотя и съ рѣзко и неравномѣрно распредѣленнымъ «содѣйствіемъ» и «противодѣйствіемъ». Война, подобно спортивной борьбѣ, пѣшеходному путешествію, физическому труду, есть порожденіе тѣлеснаго «могу», вызываемаго и руководимаго душевнымъ «хочу», «понимаю», «чувствую». Это тѣлесное «могу» имѣетъ, конечно, свои предѣлы; но предѣлы эти подлежатъ огромному расширенію и чуть ли не упраздненію подъ давленіемъ *духовно живущей воли*.

Въ войнѣ сталкивается именно воля съ волей, дисциплина съ дисциплиной и это одно вовлекаетъ въ нее *всѣ* духовныя силы человѣка. Страшна и непобѣдима армія, *рѣшившая* побѣдить; деморализація арміи есть именно разложеніе ея воли и рѣшимости. Но воля, питающаяся изъ духовнаго подъема, не поддается разложенію; ибо актъ души именно тогда стоитъ на своей жизненной и творческой высотѣ, когда онъ есть актъ *духа*. Для того-то и служитъ публичная идеологія, пытающаяся оправдать войну; ибо армія, чувствующая себя духовно и нравственно неправой, катится по наклонной плоскости внизъ. Душа, именно какъ духъ, есть полновластный руководитель всего человѣка и его дѣйствій. Доказывать этого не стоитъ; достаточно просто указать на историческіе примѣры: на Муція Сцеволу, на христіанскихъ мучениковъ, на крестовый походъ дѣтей, на пытки, вынесенныя Кампанеллою, на судьбу всѣхъ идейныхъ мучениковъ и заклю-

ченныхъ, — на всѣ тѣ реальныя явленія, когда тѣло, *насыщенное одухотворенною душою*, возносило человѣка къ побѣдѣ въ непосильной борьбѣ. И въ этомъ сокрытъ для насъ новый и глубокій урокъ войны.

Теперь намъ не нужно уже доказывать, что каждый народъ воюетъ именно такъ, какъ онъ жилъ до сихъ поръ. Война, какъ духовное испытаніе, развертываетъ и въ арміи и въ населеніи, оставшемся на мѣстахъ, именно тотъ духъ, который выношенъ народомъ въ мирное время. Въ современной войнѣ, оперирующей огромными массами мирнаго, такъ называемаго «запасного» населенія, эта связь становится особенно понятной. Каждый народъ вноситъ въ свою войну тѣ нравы, тѣ обычаи, то представленіе о добрѣ и злѣ, то правосознаніе, ту доброту и то озлобленіе, ту способность къ состраданію и самопожертвованію, которыя онъ взрастилъ въ себѣ у своихъ очаговъ. Моментъ напряженной борьбы обостряетъ и проявляетъ духовный укладъ народной жизни и обнажаетъ съ неумолимою силою духовные и нравственные недочеты народной души. Каждый народъ можетъ и долженъ осознать въ недостаткахъ своей военной организаціи и своего воинскаго духа — пороки своей жизни, найти въ себѣ ихъ корни и обратить свою духовную энергію по окончаніи войны на излѣченіе этихъ больныхъ корней.

Кадры арміи суть не что иное, какъ живые куски народнаго состава и эта связь оказывается тѣсною и прочною до послѣдней степени, когда вспыхиваетъ *народная война*.

Народная война есть совокупное духовное напряженіе *всей націи*, направленное къ побѣдѣ надъ тою силою, которая стала на пути духовнаго роста на-

рода. Въ такой войнѣ неминуемо отходитъ на второй планъ юридическое дѣленіе народа на «комбаттантовъ» и «не-комбаттантовъ». Международное право дѣлитъ такъ населеніе воюющей страны, признавая комбаттантами тѣхъ, кто открыто, съ разрѣшенія главнаго командованія носитъ оружіе. Въ народной войнѣ это различіе теряетъ свою реальную важность, потому что отношеніе человѣка къ войнѣ опредѣляется болѣе существеннымъ, изъ глубины идущимъ подъемомъ духа. Въ народной войнѣ, которая является скрытою формою или началомъ партизанской войны, воюющимъ оказывается какъ носящій оружіе, такъ и не носящій его. Всякій, кто участвуетъ въ этомъ совмѣстномъ духовномъ направленіи *воли*, *мысли*, *чувства* и *дѣйствія*, ведущемъ къ общему и единому результату, именуемому *побѣдою*, — всякій является *духовнымъ воиномъ*. Всѣ граждане, творчески горящіе о войнѣ — *всѣ воюютъ*; всѣ подъемлютъ бремя этой единой великой борьбы, каждый на своемъ мѣстѣ, по-своему, въ своей долѣ, опредѣленной, помимо закона, еще и добровольно. Дающіе, организующіе, лѣчащіе, пишущіе, говорящіе и даже тѣ, кто, лишенные почему-нибудь возможности помогать словомъ и дѣломъ, просто печалятся о стряслшейся бѣдѣ и радуются удачѣ, — всѣ воюютъ. И, если война есть бѣдствіе, то всѣ, творчески горящіе о войнѣ, — всѣ участвуютъ въ этомъ бѣдствіи. И, если война, какъ организованное убіеніе, есть вина и жестокость, а какъ духовный порывъ и самопожертвованіе, — подвигъ, то всѣ эти люди раздѣляютъ эту вину, и жестокость, и подвигъ.

Такая война является поистинѣ духовно творческимъ процессомъ въ жизни народа. Въ ней духъ

народа становится духомъ арміи; а духъ арміи питается изъ единаго всенароднаго порыва. Солдатъ, носящій оружіе является вооруженнымъ воиномъ; а мирные граждане становятся невооруженнымъ воинствомъ. Въ такой войнѣ призывъ подъ оружіе мѣняетъ лишь *способъ* участія и *степень* участія въ войнѣ. Въ такой войнѣ воевать не значитъ сражаться; но сражаться — значитъ воевать въ духѣ и ради духа. Тогда сраженіе получаетъ значеніе духовнаго подвига; а война захватываетъ всю душу и весь духъ народа. Война получаетъ значеніе всеобщаго духовнаго пожара и нѣтъ силъ, которыя могли бы побѣдить такой народъ.

Такая война съ силой, подчасъ неожиданной, заставляетъ человѣка почувствовать и признать, что его «я», весь его внутренній міръ, существуетъ на свѣтѣ только въ качествѣ живого члена народа, единой живой націи, этого большого, растянувшагося во времени и съ виду разбросаннаго въ пространствѣ «мы». Каждый изъ насъ незамѣтно съ ранняго дѣтства впитываетъ и уже впиталъ въ себя элементы того характера, той добродѣтели, той красоты, того міроощущенія, того чувства Бога, которые уже осуществлены и еще осуществляются нашимъ народомъ сообща. И часто мы забываемъ о томъ, на чемъ мы стоимъ, *изъ чего мы состоимъ*, чѣмъ проникнуты,— ту духовную основу, на которой каждый изъ насъ вышиваетъ своею жизнью новый, еще никогда не бывшій, своеобразный узоръ; забываемъ потому, что сосредоточиваемся на нашихъ личныхъ особенностяхъ, на томъ, въ чемъ мы не похожи на другихъ, на тѣхъ индивидуальныхъ отличіяхъ въ нравахъ и

въ судьбѣ, въ которыхъ утверждается наше «я» и его жизнь.

И вотъ война есть тотъ часъ, въ который обособившееся въ этихъ отличіяхъ «я» испытываетъ, мало сказать: свою связь,—свое тождество, свое постоянное, непрекращающееся совпаденіе съ элементами общаго народнаго духа. Въ такія минуты, человѣкъ потрясенный и духовно раненый, испытываетъ съ необычайной силой, что онъ *немыслимъ* и *невозможенъ* безъ своей родины, т.-е. безъ вскормившей его духовной жизни его народа. Каждый изъ насъ чувствуетъ, что потокъ, въ которомъ онъ всю жизнь плылъ и будетъ плыть до смерти, есть потокъ *русской жизни*; что домъ его, въ которомъ онъ живетъ духовно, сложенъ изъ камня нашей Россіи; что огонь, отъ котораго загорѣлась его жизнь, былъ русскій огонь и погаснетъ онъ, какъ русскій. Конечно, тѣло «мое» и душа «моя» могутъ жить и вдали отъ родины; это испытали мы всѣ, бывшіе за границей. Но *духъ*, оторвавшись, прекратится такъ, какъ умираетъ отсѣченный членъ организма. Именно эту связь имѣли въ виду Аристотель и Гегель, когда говорили, что безъ народнаго духа реально невозможенъ личный духъ.

И когда война ставитъ подъ угрозу это единое, вскормившее насъ всѣхъ лоно, то душа каждаго изъ насъ слышитъ вопросъ: если *это* тебѣ не важно, то что же тебѣ вообще важно и дорого на свѣтѣ? если *это* не уводитъ тебя изъ узкихъ и душныхъ сферъ лично-мелочнаго житейскаго кропанія, то что же вообще можетъ увести тебя? и если мы *этого* не защищаемъ, то что же мы такое?

Въ самомъ дѣлѣ, что̀ мы безъ Пушкина, Гоголя, Достоевскаго и Толстого? безъ Глинки, безъ Мусоргскаго и Врубеля? безъ нашего старообрядчества и сектантства, безъ нашего храмового зодчества, безъ нашего русскаго старчества, безъ русской былины и пѣсни, безъ Петра Великаго и Бакунина, безъ Ломоносова, безъ нашей героической и безкорыстной науки? И если мы *этого* не защищаемъ въ общемъ и напряженномъ духовномъ подъемѣ, то, можетъ-быть, намъ вообще лучше *не быть вовсе?* Потому что древесный листъ, безучастный къ удару дровосѣка по стволу дерева, свершилъ свою судьбу и нашелъ свой конецъ: онъ скоро высохнетъ и упадетъ мертвый.

Въ такое время естественно отложить или отодвинуть на второй планъ всѣ узко-личныя дѣла и интересы. Но тѣмъ сильнѣе долженъ разгораться *духовный подъемъ*.

Духовный подъемъ есть то настроеніе души, когда она энергично и сознательно направляетъ свои силы на творческое осуществленіе безусловнаго и конечнаго блага; когда человѣкъ начинаетъ жить высшимъ и лучшимъ, что̀ ему доступно на этомъ свѣтѣ — истиннымъ знаніемъ, создаваемой красотою, доброю и благородною волею. У этихъ источниковъ и только у нихъ душа почерпаетъ, всегда почерпала и всегда будетъ почерпать *непобѣдимость въ борьбѣ*: когда она съ силою духовной очевидности *знаетъ* истинную цѣль своей жизни; съ силою духовнаго чувства *любитъ* то, за что борется; съ силою духовнаго стремленія *желаетъ* осуществленія своей цѣли; и съ силою духовнаго *вѣрованія* убѣждена въ неминуемой побѣдѣ благого и праваго дѣла.

Нѣтъ и не можетъ быть такой эпохи, когда духовное напряженіе было бы несвоевременнымъ или излишнимъ. Нѣтъ такого момента въ жизни человѣка и не можетъ быть; и наша задача не только въ томъ, чтобы кормить и грѣть и лѣчить сражающихся; но, дѣлая это, горѣть съ ними и за нихъ духомъ. И когда мы видимъ, что русскій солдатъ молится передъ боемъ; и когда мы вспоминаемъ, какъ горѣли духомъ въ эпохи войнъ Макіавелли, Фихте и Гегель, Бетховенъ и Ницше, Достоевскій и Толстой; и когда мы вспоминаемъ профессоровъ парижской коммуны, работавшихъ полдня въ своихъ лабораторіяхъ, а потомъ шедшихъ на бастіоны, — то мы знаемъ, что это явленія одного и того же порядка. И потому мы можемъ сказать: если въ воюющей странѣ воцарится упадокъ духа, прекратится наука и философія, умолкнетъ искусство, угаснетъ нравственное и религіозное исканіе, то страна эта станетъ на краю пораженія. Ибо духъ арміи таковъ, каковъ духовный подъемъ среди ея народа. Свободное, углубленное исканіе истины, добра и красоты должны не прекратиться среди народа, вовлеченнаго въ войну, но разгорѣться еще ярче.

Великій народъ, т.-е. всякій духовно творческій народъ только и можетъ и долженъ воевать, оставаясь на духовномъ уровнѣ. Такой народъ не можетъ и не долженъ и не смѣетъ мириться съ тѣмъ, что война станетъ для него духовнымъ паденіемъ. Война есть для него духовный подъемъ, въ которомъ онъ не только остается вѣренъ себѣ и своему уровню, но поднимается еще выше, почерпая силу въ своей правотѣ и во всенародности своего порыва.

Въ такой войнѣ мало воевать; необходимо воевать,

оставаясь на духовной высотѣ. Пусть же будетъ воинственный подъемъ, но не озлобленіе и не ненависть и не уличные погромы; пусть будетъ личное безстрашіе, но не презрѣніе къ врагу, къ его храбрости и его подъему; пусть будетъ искусное обезвреженіе врага, но не месть и не жестокость и не корыстная травля; пусть будетъ обдуманность и осторожность, но не низменная хитрость и не система національнаго шпіонства. Въ такой войнѣ мало и побѣдить: ратная побѣда не должна стать для насъ духовнымъ паденіемъ, какъ это случилось съ Германіей послѣ 1870 года. Побѣда не должна вызвать въ насъ самоувѣренность и самодовольство, гордость и національное самопревознесеніе; она не должна вызвать въ насъ нелѣпую и чудовищную увѣренность въ томъ, что мы — единственный «избранный» народъ, высшій и лучшій изъ всѣхъ существовавшихъ, что къ намъ «переходитъ» теперь «гегемонія» и руководительство всѣми другими народами; она не должна пробудить въ насъ хищные инстинкты и мстительныя чувства и увлечь насъ на путь политическаго и тѣмъ болѣе духовнаго подавленія нашего врага; она не должна привести насъ къ культу силы и милитаризма. И особенно мы должны быть свободны отъ внезапно наступающей слѣпоты къ тѣмъ духовнымъ достиженіямъ, которыя или уже осуществлены нашими нынѣшними врагами въ прошломъ или еще могутъ быть ими созданы въ будущемъ, когда военная буря отрезвитъ ихъ самодовольство и пробудитъ въ нихъ древнюю глубину ихъ духа. Да не уподобимся же мы тѣмъ сквернымъ школьникамъ, которые съ тѣмъ бо́льшей разнузданностью рады надругаться надъ тѣнью учителя, съ

чѣмъ большею покорностью они подражали ему доселѣ.

И вотъ, если мы пойдемъ къ побѣдѣ на *этомъ* уровнѣ, то побѣда наша будетъ дѣйствительной, истинной побѣдой. Ибо она будетъ побѣдою сразу надъ врагомъ и надъ собою. Вспомнимъ и не забудемъ, что жизнь Россіи не кончается этою войною, а, можетъ-быть, только начинается; что намъ предстоятъ еще впереди горы напряженнаго, самоотверженнаго труда надъ нашимъ внутреннимъ устроеніемъ; что нельзя сводить всѣ задачи Россіи къ ратному напряженію ближайшихъ мѣсяцевъ и ограничивать ея жизненныя перспективы этою войною. Необходимо все время помнить, что война есть этапъ не только во внѣшней исторіи, но и во внутренней жизни Россіи; что она не есть эпизодическое событіе, вдвинувшееся механически между прошлымъ и будущимъ; что побѣда можетъ быть добыта только въ результатѣ духовнаго подъема и духовнаго напряженія живыхъ внутреннихъ силъ Россіи. А этотъ подъемъ есть уже самъ по себѣ начало нашего возрожденія.

Этотъ духовный подъемъ необходимъ самъ по себѣ, а не только для побѣды. Онъ есть уже достиженіе и преодолѣніе; онъ есть *безусловная цѣнность*. А побѣда арміи будетъ его неизбѣжнымъ результатомъ, его необходимымъ и естественнымъ плодомъ. Ратная побѣда, безъ духовнаго подъема, будетъ пораженіемъ; а духовный подъемъ, создавшійся и удержавшійся на должной высотѣ, исключаетъ всякое пораженіе. Онъ повлечетъ за собою не только рат-

ную побѣду, но и другія, непредвидимыя, неоцѣнимыя заранѣе достиженія.

И, вѣря въ это со всею силою предметнаго видѣнія, мы можемъ сказать: пусть же наша армія будетъ дѣйствительнымъ, истиннымъ авангардомъ нашей великой Россіи, ея грядущаго возрожденія и духовнаго расцвѣта.

Государственная
Библиотека
Общественных Наук
Академии Наук СССР

Цѣна 25 коп.

1959